

АХТЫ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЛЕЗГИН САМУРСКОЙ ДОЛИНЫ

Рукописный фонд института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Фонд 3, опись 3, дело № 2

В рукописи имеются некоторые неточности в отношении ссылок на литературу: кое-где отсутствуют год издания, указание на страницы, иногда ссылки совсем отсутствуют. В тех случаях, когда дополнить недостающие сведения не удалось, дается авторская ссылка.

В историческом процессе смены общественно-экономических формаций у лезгин Самурской долины видная роль принадлежала селению Ахты.

Литературные источники и сведения об Ахты, записанные от ахтынцев старшего поколения и относящиеся, следовательно, к концу XIX — началу XX в., дают нам представление об этом селении как крупном¹ экономическом, культурном и политическом центре Самурской долины, центре, в котором происходили сложные социальные процессы.

Возвышение Ахты уходит своими корнями в далекое прошлое и ему благоприятствовали как географические, так и исторические условия.

Ахты расположено у слияния рек Самура и Ахты-Чая, оно состоит из двух частей — гюнейской (северной) и кузайской (южной). Считают, что основано оно первоначально было на Гюнейской стороне. Кузайская же сторона заселилась значительно позднее. Старики рассказывают, что до заселения на ней было лишь кладбище гюнейцев. В начале XX в., из-за соседства этого кладбища с базаром, гюнейцы перестали хоронить на нем своих покойников². Обе половины селе-

¹ По данным 1882 г., число жителей в наиболее крупных населенных пунктах Дагестана составляло в Большом Казанище — 5049, Тарку — 2176, Губден — 5473, Карабудахкент — 4431, Хаджал-Маха — 2188, Акуша — 5200, Урахи — 4145, Кая-Кент — 5094, Дербент — 13775, Петровск — 3895, Ахты — 5798 человек. Таким образом. Только город Дербент превосходил по численности населения Ахты.

² Впоследствии кладбище это застроилось домами и квартал этот стал называться «сырар мягле», т.е. кладбищенский квартал.

ния разделены бурным потоком Ахты-чая, через которые теперь перекинуты два моста.

Немалую роль в былом возвышении Ахты играло его удачное в отношении обороноспособности положение. Гюнейская часть как бы прилепилась к выступу горного хребта Келесхев, увенчанного когда-то крепостью, фундамент которой сохранился до наших дней. Были и в самом селении боевые башни, впоследствии за ненадобностью перестроенные. На одной из таких перестроенных крепостей сохранился до настоящего времени камень с надписью: «Владелец крепости ширваншах Халиль Уллах»³.

С южной стороны селение подходит вплотную к берегам Ахты-Чая. Бурный поток этой реки преграждал подступ к селению с этой стороны. К северу от Ахты протекает Самур, также представлявший серьезное препятствие для перехода противника⁴.

Помимо сооружения боевых башен и крепостей ахтынцы применяли еще и другие способы защиты от врага. Так, они строили дома закрытого типа — квадратный двор в середине был как бы обрамлен со всех сторон домом, в одной стене которого оставлено пространство для ворот. Наружные стены такого дома в старину окон не имели, окна выходили лишь во двор. При хорошо запертых тяжелых прочных воротах такая постройка представляла собой своего рода небольшую крепость, в которой жила семья, состоявшая из отца и не отделившихся сыновей. Этот тип жилища, но уже с окнами на фасаде, продолжали строить вплоть до революции.

Для защиты от нападения группа родственников нередко располагала свои жилища плотно друг к другу, вокруг небольшой площади, оставляя в этом «кольце» лишь один выход, который в момент опасности вся группа защищала, чтоб не допустить врага в свои дома. Жилища родственников нередко имели между собой внутренние ходы, что также объединяло их во время нападения врагов. Для обороны были использованы и узкие улицы, которые легко можно было забаррикадировать. Ахты с его многочисленным населением, хорошо защищенными жилищами, плотно прилепившимися к горному склону, было для врага недоступным, и неудивительно, что мелкие, слабо защищенные аулы, страдающие от постоянных нападений, или отдельные семьи, подвергавшиеся опасности, искали защиты у его жителей. Ахты принимало их к себе, разрешая поселиться на определенных условиях на ахтынской земле. Из селений, переселившихся к Ахты, называют цГийи хуър («новое село») Цхюр, которое

³ Ширваншах Калиль Уллах жил в 1417–1462 годах н.э.

⁴ Так, например, при осаде ахтынского укрепления в 1848 г. князь Аргутинский-Долгорукий, явившийся оказать помощь осажденным, не смог преодолеть со своим отрядом трудности перехода через Самур и вынужден был повернуть обратно. Тем более трудным препятствием была эта река во времена отдаленные.

постоянно подвергалось нападениям большого рутульского селения Хнов. Хновцы грабили и беспощадно уничтожали цхюрцев. Последние не в силах были защищаться и обратились за помощью к жителям Ахты. Ахтынцы разрешили им поселиться на кузайской стороне, при условии платы налога (хардж) и выполнения бесплатно некоторых полевых работ. Квартал, в котором живут цхюрцы, называется кулиярским. Жители Гюнейской стороны производили это название от «кьул» — раб, а сами кулиярцы связывают это название со словом «кьубл» — пшеница, потому что они имели много пшеницы.

Жители селения Зрых подвергались постоянным нападениям рутульцев. Несколько мирасов⁵ этого селения — Лим(неразб.)ияр, Кураку и Убарые переселились, по преданию, под защиту Ахты, на кузайскую сторону в Пелтуярский квартал.

На стене упомянутого выше дома, переделанного из крепости, сохранились следы какой-то надписи. Говорят, что здесь было высечено на камне обязательство кузайцев платить дань гюнейцам, но однажды ночью, тайком, накрыв надпись войлоком, кузайцы сбили ее молотками.

Предание рассказывает о длительной борьбе Ахты с Ялджуком. Борьба эта велась с переменным успехом. Был период, когда Ахты одержали верх над ялджукцами и последние вынуждены были выполнять победителям-ахтынцам разные повинности — сеять и убирать хлеб, пасти их овец и прочее.

В некоторых случаях селения, подвергавшиеся нападениям, приглашали ахтынцев для организации обороны. Так, переселились в сел. Зрых два ахтынских рода Семдар и Кана шар из Пелтуярского квартала.

Как более многочисленное, сильное и хорошо защищенное селение, Ахты заняло руководящую роль среди окружающих его одиннадцати более мелких сельских обществ⁶, которые объединились в союз, называемый Ахты-пара, по имени возглавляющего селения.

Мы не знаем, когда образовались союзы вольных обществ Самурской долины: Ахты-пара, Докуз-пара и Ахты-пара, но ясно, что появление одного из них должно было вызвать в противовес ему и появление других таких же союзов, потому что отдельные селения не могли бы противостоять селениям, объединенным в союзы. С другой стороны, такие союзы могли образовываться только тогда, когда, несмотря на общность языка и территории, еще нельзя было говорить о племенном единстве лезгин Самурской долины. Не было еще того цемента, который связал бы все эти враждующие между собой роды и селения в одно целое, не было стимула, который объединил бы их всех, противопоставляя другой этнической группе.

⁵ «Мирас» — группа близких родственников.

⁶ Кроме сел Ахты в эти общества входили следующие селения: Гра, Зрых, Ухул, Кака, Гдынг, Луткун, Маза, Кочах, Миджах, Смугул, Хал, Гогаз, Усур, Фий, Хкем, Кьуляр, Гдым, Ялак и два рутульских селения Борч и Хнов.

Наиболее раннее сведение о вольных обществах мы имеем у полковника Ивана Гербера, назначенного в 1727 г. одним из комиссаров по заключению договора между Россией и Турцией и написавшего труд под заглавием «Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой и землях и о их состоянии в 1727 г.». В труде своем Гербер говорит, что вольные общества Самурской долины состоят из нескольких селений, во главе каждой их них стоит старшина, что старшин этих захотят — слушают, а захотят — не слушают, что все селения одного общества в случае опасности помогают друг другу, что живут они в труднодоступных бездорожных местах и никому не подчиняются. Попытки персов и дербентского хана подчинить их своей власти получили отпор⁷.

В «Описании Южного Дагестана, владений Дербентского, Кубинского, Ахтынского, Рутульского, сделанного во время снятия земли на карту кавказского гренадерского полку секунд-майором Федором Симоновичем ... в 1796 году»⁸ говорится следующее: «Оно управляется народом, стоя над наследным началом, и разделяется на три округа, заключающие в себе до 30 деревень. Первый округ Ахты(неразб.)ара, в нем Ахты главное селение».

М.М. Ковалевскому в конце XIX в. удалось собрать интересные сведения об Ахты в прошлом: «Древнейший и обыкновенно наиболее сильный аул, — пишет он, — брал на себя руководство судьбами соседних с ним обществ, и в этом случае сельский старшина аула принимал на себя предводительство в военных походах и сосредоточивал в своих руках право судебного разбирательства в области и селениях, находящихся под его защитой <...> Лезгинское селение Ахты несло обязательство военной защиты одиннадцати сельских обществ, составляющих с ним один союз. Эти общества обязаны были во время войны подчиняться руководству ахтынских начальников, в лице сорока аксакалов, выдвигаемых тохумами по одному от каждого. В мирное же время эти аксакалы наблюдали за своевременным взносом “закята” и следили за тем, чтобы в гражданских и уголовных делах окончательные решения постановляемы были исключительно ахтынскими посредниками. Другие преимущества ахтынцев состояли в том, что при выдаче своих дочерей замуж за жителей одного из одиннадцати подчиненных им селений весь аул получал особый платеж размером в 3(неразб.) рубля», а в случае убийства ахтынца за его кровь взимался платеж в два раза больший против того, какой следовал за кровь жителей подчиненного селения⁹.

⁷ Гербер И. Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой и землях и о их состоянии в 1727 г. С. 100.

⁸ ЦВИА. ФВА. Д. 18474, л. 45.

⁹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С. 164.

Процесс разделения труда, обмена и появления частной собственности происходил в таком крупном центральном пункте, как Ахты, значительно интенсивнее, чем в прочих селениях.

Земельная площадь состояла из совершенно неравномерных участков, принадлежащих отдельным малым семьям или семейным общинам, которые одни имели право распоряжаться этой землей и ее отчуждением. Отдельные владельцы могли свою землю продавать, дарить, сдавать в аренду. Правда, в первую очередь, владелец должен был предложить ее своим сородичам, но если он не мог сойтись с ними в цене, то имел право продать этот участок чужеродцам. Из-за клочка земли шла борьба, цены на землю стояли высокие. Маленькие клочки пашни, очищенные когда-то от камней, были разбросаны нередко в 10–20 местах и отстояли от селения на 5–8 верст. Богатые старались путем покупки сконцентрировать хорошие земли в небольшом количестве участков, неподалеку от селения. Помимо большого количества и лучшего качества пахотной земли, богач извлекал из нее прибавочную стоимость путем найма рабочей силы для ее обработки или сдачи ее в аренду. Так, например, земли ахтынцев подходили к самому селению Гданг, жители которого почти не имели своих пахотных земель и обрабатывали земли ахтынцев, получая за это половину урожая.

Богатые захватывали не только лучшие земли, но и большую часть воды для орошения. Процесс мельчания (парцеллярности) участков и появления земельной бедноты явились следствием частной собственности на землю.

Немалую роль в процессе дифференциации этого общества сыграло и скотоводство. Крупные барановоды использовали в большей степени природные ресурсы (пастбища и покосы), чем мелкие. Кроме того, они извлекали прибавочный продукт из наемного труда пастухов и от пастыбы чужих баранов за приплод. Невозможность получить средства пропитания на своей земле вызвала появление еще одного «занятия», которое было распространено на определенном этапе исторического развития у многих народов Дагестана и за его пределами — занятия грабежами. Приобретение частной собственности в виде добычи, полученной грабежом, способствовало опять-таки углублению процесса дифференциации данного общества. О том, с какого периода грабежи стали одним из средств существования лезгин Самурской долины и способствовали процессу накопления частной собственности, мы не имеем точных данных. В одном из документов кайтагских удмиев ширваншах жалуется своему племяннику Эльчаву на их постоянные набеги: «Что скажешь, о Эльчав Багадыр, если этот народ останется таким образом (т.е. в разбоях. — Л.П.)? Владение мое разорится <...> разбойники часто спускаются с дорог, идущих по горным высотам, ввиду деревень Альфа (Фий. — Л.П.),

Мезав (Маза. — Л.П.), Куруш и Хиналуг. Я намерен утвердить твоего сына Мугаммедбека в управлении крепостью Ахир (Ихир. — Л.П.), чтобы он охранял дороги горных высот. Тогда нет сомнения, прекратятся разбой, прислуга и невольники твоего сына будут надежными защитниками жителей Ширвана». Мухаммедбек утвердился в крепости Ихире и сдерживал набеги лезгин на Ширван.

О набегах лезгин пишет также И. Гербер (1728): «Они мало имеют пашней и скотоводства и полагаются на то, что работают для них другие. Одно их пропитание — грабительство и разбойничество. Они никому подати не платят, да от них бы ничего и не потребовали, если б они только других не грабили. Обычай их есть, что с малыми партиями нечаянно нападут на соседей в Мушкуре, Табасаране, Кубе, да и в Шабране, и все, что схватить могут, с собой увозят, особливо лошади и скот для них не безопасны»¹⁰.

Лезгины Самурской долины были постоянными участниками больших военных предприятий казикумухских ханов, а также совершали более мелкие набеги на свои и соседние селения. Об участии лезгин в набегах Сурхай Хана мы узнаем от того же И. Гербера. «Сурхай хан, — пишет он, — с самого юношества много разбоев чинил с подданными своими, и <...> разорением всего Ширвана, Ардебиле, Шамахан и Карабага столь много имущества собрал, что тавлинцев, лезгинов, кюрелов (кюринцев) и другие разбойничьи народы так себе обязанными учинить мог, что они всегда готовы были повиноваться его желаниям»¹¹.

Шариат также предусматривал раздел военной добычи, по которому 1/5 ее установлена Кораном для неимущих, а 4/5 делятся поровну между участвующими в набеге. В Ахты как крупном сильном селении, которому были подчинены соседние сельские общества, было немало таких удальцов «бахтачяров», приобретающих себе средства пропитания и богатство путем набегов. Память о них сохранилась в народе до сегодняшнего дня. Так, наиболее сильными и многочисленными тохумами в Ахты считали тохумы Кабанар, Кисрияр и Сирияр, из этих родов и выходили бахтачяры. Хотя от тохума Кабанар осталось сейчас только 2–3 потомка, не имеющих никакой силы, остальные, преследуемые русской властью за свою «деятельность», давно уже переселились в Кумух, тем не менее до сих пор, когда ребенок заплачет, его пугают: «Большой крик не подымай, Кабанары придут» или «Не кричи, Сирияр придет». Вокруг тохумов группировалась молодежь из других родов.

Селения Кучах, Хкем, Хуля, Миджах, Хал, Джаба, Балуджа, Биджук систематически подвергались нападениям ахтынских бахтачяров. Некоторые селения откупались от этих набегов угощениями, которые они устраивали один раз в год, при условии, чтобы ахтынцы

¹⁰ Там же. С. 109.

¹¹ Там же.

являлись к ним в количестве не более 50 человек и не оставались более 24 часов¹².

Чтобы проехать из Ахты в Баку, надо было ждать более десяти дней, пока не наберется группа человек двадцать, так как ехать в одиночку было опасно.

В памяти народной сохранились рассказы о том, что бахтачияры при нападении придавали себе устрашающий вид — надевали на голову рога, выворачивали шубы мехом наружу, привязывали к меху колокольчики, чтобы производить больше шума. В таком виде они шли на дорогу и отбирали от приезжих скот, зерно и другие продукты. В более давние времена бахтачияры ходили пешком, но впоследствии стали действовать на конях, обертывая последним копыта войлоком или прибивая подковы в обратную сторону, чтобы ввести в заблуждение преследователей.

В начале XVIII в. лезгины еще смотрели на грабежи, как на необходимый и честный труд. «Воровство — наша пашня и соха, — говорили они, когда в 1727 г. от них требовали присяги, чтоб они были верны России и воздержались от грабежей, — сим жили наши предки и мы никакого другого пропитания от них в наследство не получили; все, чем мы владеем, есть воровством собранное имение и так должно будет нам в Российском подданстве с голоду умереть, пусть с нами сделают что хотят, но мы будем себя защищать до последней капли крови и лучше нам умереть честными людьми, нежели с голоду». Так сказали они представителям русской власти. И, не пожелав дать присяги, сели на коней и уехали¹³.

После присоединения Дагестана к России отношение к набегам бахтачияров должно было постепенно измениться. Грабеж уже не рассматривался как необходимый промысел, а наоборот, являлся помехой честному труду. Развитию мирной хозяйственной жизни, которая стала устанавливаться с приходом русских, бахтачияры наносили вред. При наличии русского законодательства и исполнительной власти борьба с бахтачиярами, которые уже в эту новую эпоху рассматривались как злостные грабители, не представляла особых трудностей.

Безземелье и малоземелье сузили для ахтынцев возможность заниматься сельским хозяйством и способствовали развитию среди них ремесел. Этому благоприятствовали и хорошие условия для сбыта ремесленных произведений.

Здесь было большое количество ремесленников, среди них ковровщицы, чувячники, сапожники, портные, шубники, валяльщики, шапошники, шорники, ткачи, деревообделочники, ювелиры, оружейники, кузнецы, ковщики и медники.

По свидетельству стариков, перед революцией в Ахты было 26 портных, 35 башмачников, 4 ткача, 4 ювелира, 5 кузнецов и 10 ка-

¹² Там же. С. 163.

¹³ Гербер И. Известия... С. 129.

менщиков. Формы этой отрасли труда были самые разнообразные. Были здесь и общинные ремесленники, которые удовлетворяли текущие нужды всей общины и в возмещение за свой труд получали с каждого двора вознаграждение продуктами. К такого типа ремесленникам относились сельские кузнецы.

Были ремесленники, которые ходили по домам, например шубники, наконец, такие, которые сидели дома и выполняли работу по заказу или для продажи на базаре.

В таком многолюдном центре, как Ахты, ремесленники имели возможность сами сбывать свои товары. Многие выносили свои мастерские из домов в торговый (базарный) квартал, где легче было получить заказы и сбыть продукцию, сделанную на продажу. В последнем случае его изделия являлись уже товаром, он сам не только ремесленником, но и торговцем, а помещение, где он работает — и мастерской, и лавкой. Женщины-ковровщицы работали всегда на дому и сбывали свои изделия перекупщикам.

Как правило, отец или дядя обучали своему ремеслу сына или племянника, и таким образом профессия эта переходила из поколения в поколение и была наследственной.

Считают, что ремесленники были, главным образом, на Гюнейской стороне, а торговцы — преимущественно на Кузайской.

Ремесло здесь еще не вполне отделилось от сельского хозяйства. «Второе крупное разделение труда» еще не было завершено, ремесленник еще не совсем расстался с уходящим из-под его ног клочком земли.

Другим обстоятельством, благоприятствовавшим экономическому росту Ахты и вместе с тем и разложению первобытно-общинных отношений, было центральное местонахождение этого селения на горных путях, по которым шел обмен, с одной стороны, между горными скотоводами и равнинными земледельцами, с другой — между горным Дагестаном и промышленным центром Нухой.

Из Кубинской провинции, преимущественно из селений Гиль, Из(неразб.)аб и Маугли Кент, которые ахтынцы называли «хлебными мешками», сюда привозили зерно, фрукты, дыни, арбузы и древесный уголь. Хлеб, уголь и дрова доставляли сюда также из Магарамкентского района, а уголь — из селения Хулуг Кусарского района. Рутульцы привозили в Ахты рожь, сушеное мясо, масло, сыр. Южные селения Ахтынского района Ущугул, Фий, Маза, Борч и Хнов занимались почти исключительно овцеводством и привозили в Ахты на обмен свои продукты животноводства. Так как сбыт этих продуктов в Ахты был более выгоден, то привозили сюда и из Курахского наибства.

Таким образом, в Ахты был сосредоточен обмен продуктов животноводства горных селений на зерно и лесные материалы плоскостных районов.

Здесь же совершался обмен этих сельскохозяйственных продуктов на изделия кустарные и промышленные.

Так будугцы привозили сюда свои грубые толстые сукна, которые употребляли на мужскую верхнюю одежду. Они ценились за свою прочность, так как не рвались при прохождении по колючим кустарникам, особенно обильно растущим в Кубинском уезде, и во время дождя становились плотными и непромокаемыми. Здесь же продавали и тонкие цахурские сукна из шерсти мягкошерстной породы овцы «цирау», а также славящиеся своим хорошим качеством сукна акушинцев. Фабричные ткани стоили дорого, линяли от дождя и солнца, их употребляли только на нарядную одежду, повседневную же рабочую одежду предпочитали делать из сукна местного производства. Продавались здесь и андийские бурки, считавшиеся лучшими на Кавказе; андийцы возили их через Ахты и дальше в Нуху. Табасаранцы привозили сюда свои изделия из пеньки, хлопка (ковры, мешки, веревки), а также особую халву из орехов и грушевой воды. Глиняную посуду поставляли в Ахты кубинцы и агульцы, причем последние не делали ее на сами, а скупали у табасаранцев. Табасаранская посуда, носящая название «яхул каб»¹⁴ — тонкостенная, легкая, при постукивании звенит подобно фарфору, она служит для хранения масла, и достоинство ее заключается в том, что масло не впитывается в ее стенки. «Нюгет каб» называли тяжелые толстостенные горшки, привозимые в Ахты азербайджанцами из селения Нугет. Горшки эти привозили сами мастера, их употребляли только для хранения молока, так как масло впитывалось в их пористые стенки. Торговцы из Деничи (Азербайджан) привозили сюда на верблюдах мазут для освещения. Каждый из них имел приблизительно по пять верблюдов, которых разводили в селении Джорат на Апшеронском полуострове и в селении Церез(неразб.) в Ширване. Оба эти селения расположены в безводной местности, в которой заниматься земледелием было невозможно, почему они и стали разводить здесь этих неприхотливых животных.

Привозили в Ахты свои изделия ремесленники соседних лезгинских селений. Ялджугцы продавали здесь свои ковры, бурки, кошмы, сапоги и кнуты; калукцы — башмаки и выделанные кожи; кузнецы из селения Ихир имели в Ахты свои кузнечные мастерские, в которых они из железа, доставленного им из Дербента, изготовляли щипцы, топоры, ножи, кинжалы, лемехи.

Продавали здесь и деревянную посуду. Лучшими ложками считались ложки, сделанные в с. Кулук из абрикосового дерева (машмаш тур — абрикосовая ложка), они отличались прочностью, гладкой поверхностью и не давали трещин. Ложки, сделанные из мягкой породы дерева, неаккуратной работы, употреблялись бедняками и

¹⁴ Яхулами лезгины называют суммарно лаков, табасаранцев, агулов и даргинцев.

назывались по национальности мастера «Яхул тур». Ложки, изготовленные ложкарями-рутульцами, тоже считались грубой и плохой работой. Их называли «вана вац тур»¹⁵.

В.И. Ленин относит появление ремесла к началу производства на заказ. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т.е. производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю — заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой»¹⁶.

Работа на заказ всегда носит временный характер и предполагает правоспособность ремесленника свободно договариваться с заказчиками.

«В этой форме промышленности, — пишет В.И. Ленин, — нет еще товарного производства, здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материалы и орудия производства. <...>

На более высокую ступень поднимается ремесло в том случае, когда появляются ремесленники — мелкие товаропроизводители, сбывающие свои изделия на местном узкоограниченном рынке и потому еще не нуждающиеся в посреднической деятельности купца»¹⁷. На этой стадии «продукт по-прежнему переходит непосредственно из рук производителя в руки потребителя, причем продаже продукта предшествует иногда обмен его на сельскохозяйственные продукты»¹⁸. Торговля в Ахты, как и в других селениях Дагестана, носила по преимуществу меновой характер. Обмен и продажа на деньги исчислялись в зависимости от цен на зерно. Кроме продуктов сельского хозяйства и произведений ремесла привозили в Ахты и разные промышленные товары: из Нухи — особые узорчатые ситцы, синюю бязь, шелковые платки и легкий табак, из России — мануфактуру, особенно русские сукна, железо, медь, сахар¹⁹.

Обмен в Ахты происходил или непосредственно между самими производителями в натуральной и реже в денежной форме или с участием скупщиков и торговцев.

Хлеб доставляли в Ахты четыре крупных скупщика. Все они жили, как большинство торговцев, в базарном квартале на Кузайской стороне. Весной, имея при себе достаточную сумму, они отправлялись

¹⁵ «Вана вац» в переводе означает «верхняя река», т.е. верхнее течение Самура, начиная от селения Хрюк.

¹⁶ Ленин В.И. Сочинения. Т. 2. С. 254–255.

¹⁷ Там же. С. 256.

¹⁸ Там же. С. 257.

¹⁹ О торговле России с Дагестаном и Ширваном см.: Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 402–403.

в плоскостные или предгорные селения, где на кабальных условиях запродавали им хлеб будущего урожая. Тяжесть этих условий заключалась в том, что крестьяне должны были вернуть хлеб с нового урожая на сумму вдвое большую той, которую они получили авансом. Народ считал нечестную торговлю хлебом делом грешным и подтверждал свой взгляд тем, что торговцы, которые вели ее, впоследствии разорились.

В конце XIX и начале XX веков торговля ахтынцев вышла из рамок Дагестана и Азербайджана. Крупный торговец Хаджи Закарья значительно расширил свое дело и ездил за товарами в Москву и на Нижегородскую ярмарку. По виду торговли, какую вели торговцы, они носили разные наименования по преимуществу азербайджанские. «Гевер алверчи» называли бродячего торговца, «тажир алверчи» — торговец, который сидит на одном месте, никуда не ездит и все товары к нему привозят, «бакьал'ом» называли бакалейщика. Термин, как известно, проникший и в русский язык из турецкого. «Парчачи» — называли торговца мануфактурой (от тур. «пере парча» — «материя»).

Таким образом, в Ахты имел место развитый обмен и торговля, а известно, что торговля и купеческий капитал разлагающе действуют на докапиталистические способы производства.

Мы знаем, что «первое разделение труда», т.е. выделение скотоводства, вызвало обмен продуктов земледелия на продукты скотоводства; «второе разделение труда» — выделение ремесла — еще более способствовало развитию обмена и торговли. Производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена превратило, по словам Ф. Энгельса, обмен между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества, «появляется класс, который, не принимая никакого участия в производстве, <...> становится неустрашимым посредником между двумя производителями и эксплуатирует обоих»²⁰.

В данном случае мы не можем еще говорить о классе торговцев, но отмечаем лишь появление соответствующих лиц, которые занимались торговлей.

Существенной особенностью всякого торгового центра является наличие базара. Базар в Ахты был вечный, т.е. торговля там не прекращалась ни на один день. «Бурное селение было Ахты», — говорят старики, большое оживление на базаре наблюдалось особенно летом.

Из Кубинского и Дербентского районов товары привозились на арбах, из Нухи за отсутствием дороги пользовались вьючным транспортом. Соответственно объему торговли в Ахты было большое количество караван-сараев, в которых приехавшие могли

²⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1945. С. 187.

останавливаться на ночлег, а также оставлять там свои арбы и транспортных животных.

Из Кубы, Нухи, Хачмаза и других равнинных мест приезжали юда летом на своих фургонах, как на дачу, спастись в горах от жары. Они останавливались у своих кунаков или в комнатах для приезжих при чайханах тех же караван-сараев.

Извозный промысел составлял для некоторых крестьян основной источник их существования, занимались им преимущественно жители селений Ахты, Цюхюля, Мака и Кара-Кюре. Расчет с аробщиками производили умышленно в Ахты, чтобы на заработанные деньги они тут же покупали себе мануфактуру, металлические и другие хозяйственные вещи. Среди ахтынцев было немало фургонщиков, которые занимались перевозкой пассажиров.

Малоземелье, вызванное природными условиями, а также и прибиранием в свои руки земли богачами, приводило к необходимости «избыточное» население Ахты искать приработка в отхожих промыслах или переселяться в другие места. Подтверждение тому положению мы находим у В.И. Ленина: «Беднота соединяет продажу своей рабочей силы с ничтожными размерами посевов»²¹.

Отхожие промыслы есть массовый отход «избыточного сельского населения в поисках работы по найму в районы развитой промышленности или сельского хозяйства. Отходничество присуще капиталистической форме хозяйства»²².

Отходничество имело здесь разнообразные формы: значительный процент мужского населения уходил рабочими на Бакинские и нефтяные промыслы или батраками в Азербайджан на сельскохозяйственные работы — косьбу, жатву и другое. Интересно, что у себя в селении мужчины не жали и работу эту в горах выполняли обычно женщины, но в Азербайджане лезгины-жнецы пользовались хорошей славой. Вознаграждение за свой труд они получали обычно натурой, т.е. зерном.

Были также отходники-ремесленники: шубники, каменщики, деревообделочники и другие. Начиная с 12 лет мальчики уходили на заработки вместе со своими отцами.

Некоторые бедняки уходили в Азербайджан и образовывали там артели по использованию нефти из колодцев. С собой отходники редко брали семью. Молодых женщин брать боялись, так как их могли похитить в Азербайджане. Но, иногда, можно было видеть даже большую семью, погруженную на 7–8 арбах, перекочевывающую на всю зиму в плоскостные районы.

В обзоре Дагестанской области за 1892 г. по интересующему нас вопросу приведены цифры, которые показывают, что из общего ко-

Ленин В.И. Сочинения. Т. 3. С. 82.

²² Там же. С. 82.

личества отходников из Дагестана в 70 366 человек 37 155 человек²³ приходилось на Самурский округ, что составляло почти все взрослое население округа, в котором считалось 62 752 человека. Некоторый процент отходников постепенно отрывался от своего селения и сохранял с ним лишь родственные связи, но значительное большинство тяготело к горам, т.к. плохо переносило в летний период жаркий климат равнины.

В.И. Ленин считал, что отхожие промыслы имели прогрессивное значение, что они вырывали крестьян из их обстановки, замкнутости и раздробленности и вовлекали широкие массы в водоворот общественной жизни и в совместную с пролетариатом классовую борьбу против эксплуататоров.

И действительно, дагестанские отходники, побывавшие в промышленных центрах и городах, способствовали росту культуры и политического сознания в родных аулах.

В Ахты до сих пор сохранились некоторые черты родового строя: к таким чертам относится, например, расселение родственными группами. В этом селении 6 кварталов: Хамам мягъле, Вини мягъле, Кенех мягъле, Базар мягъле, Кулияр мягъле и Петуяр мягъле. В каждом квартале родственники живут компактными группами. Например, Пелтуярский квартал населяют Мурсарар, Ахмедар, Леншияр, Чабалар, Убакар, Канашар, Саидар и Алхасар.

В Кулиярском квартале живут опять-таки более или менее компактными группами тохумы Ххуркъар, Ахмединбур, Исмихнар, Валбацар, Лагъайсар, КИакIахар, Церевар, Терзияр, Шекъвер, Кенешар и Велияр. То же самое и в прочих кварталах. Сейчас, конечно, такое расселение по родственному признаку не является обязательным.

Но в группе сородичей еще нередко и сейчас можно видеть какого-нибудь старика, который пользуется авторитетом и к которому обращаются за советом в разных домашних делах. Функции этих родовых старейшин, которые когда-то наряду с родовым собранием управляли ромом, стали теперь очень ограниченными. По материалам М.М. Ковалевского мы видим, что в прошлом ахтынские старейшины (аксакалы) по одному от каждого рода были и организаторами военных дел, и судьями.

В таком большом населенном пункте, как Ахты, с многочисленным населением, пестрым родовым составом и дифференцированным разделением труда не могло сохраниться родового устройства. Род по своему характеру всегда стремится к обособленности, всегда противопоставляет себя другому роду. Эту особенность родовой организации отметил еще Л. Морган²⁴.

Частная собственность на скот и на землю, развитие обмена и торговли нарушали родовые связи и объединяли людей разных родов по

²³ Обзоры Дагестанской области. Темир-Хан Шура, 1993.

²⁴ Морган Л. Древнее общество. 1935. С. 62.

роду их занятий и экономическому положению. К тому же при тесном сожительстве большого количества родов на одной территории, что имело место в Ахты, у этих родов возникало много общих интересов. Сюда в полной мере могут быть отнесены слова Ф. Энгельса: «Родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины»²⁵. В Дагестане вообще и, в частности, в Ахты таким объединением по территориальному признаку является джамаат (общество). Дела, касающиеся всего селения, обсуждались на общем сходе всего взрослого мужского населения. Этот общий сход собирался в Ахты около джума-мечети. Старики сидели обычно в центре, а молодые стояли по краям. Во главе управления стоял старшина, он имел двух помощников: одного с Гюнейской, другого — с Кузайской стороны, секретаря, муллу и двух других секретарей. Председателем джамаата был старшина. Особого порядка на этих собраниях не было.

К органам управления следует отнести и сельский суд, в состав которого входили шесть аксакалов, от каждого квартала по одному, а председателем был кази.

Постепенно джамаат утрачивал свойственные ему когда-то черты демократизма, он испытывал все большее влияние богачей и духовенства. Возникают общественные должности (старшины). Эти старшины в условиях развивающейся частной собственности используют свое общественное положение.

В середине XIX в. (1839 г.) вольное общество Ахты-пара уже прекращает свое существование. Ахты становится центром Самурского округа и входит в состав Российской Империи. «Родовая организация, — пишет Ф. Энгельс, — переходила в территориальную и оказалась поэтому в состоянии приспособиться к государству»²⁶. Правящая верхушка джамаата становится теперь выразительницей классовых интересов царской России.

Ахты являлось не только политическим и экономическим, но и культурным центром Самурской долины.

В своей работе «Асари Дагестан» Гасан Алкадарский называет несколько ахтынских ученых, в том числе Мирзу-Али-эфенди Ахтынского, который преподавал как гуманитарные, так и естественные науки (физику). Сам Гасан Алкадарский изучал под его руководством физику и философию. Сохранился рассказ о том, что Шамиль арестовал Мирзу-Али-эфенди за то, что тот выступал против него. На это обвинение Мирза-Али-эфенди ответил Шамилю: «Я тебе подчиняюсь по шариату, но не как государственному властителю. Ты не падишах, ты сегодня все, а завтра уйдешь, а люди должны жить вечно. Как правитель ты не правитель, но я тебе подчиняюсь».

²⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи... С. 171.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 182.

Летом этого года (1951 г.) мне удалось познакомиться в Ахты с библиотекой одного покойного муллы, в которой кроме книг религиозного содержания было немало рукописных и печатных научных книг. Годы, указанные на рукописных книгах, свидетельствуют о научных интересах некоторых представителей Ахты во второй половине XVIII в. к таким наукам как история, астрономия и география.

После присоединения Дагестана к России открылись более широкие возможности для мирного культурного развития. По свидетельству одного неизвестного лица, жившего в первой половине XIX века, «с первых дней окончания военных действий в Самурском округе не слышно стало ни одного выстрела и не было решительно ни одного покушения к нападению, грабежу и убийству. Проложенный новый кратчайший путь на 300 с лишком верст, сближающий Кубу и Дербент с Тифлисом, хотя требует лучшей обработки дороги, но отныне совершенно уже безопасен»²⁷.

Проведенные царским правительством дороги, первоначально для военных целей, служили в дальнейшем для мирных торговых сношений.

Построенный в 1914 г. на Ахтынском почтовом тракте Самурский железобетонный мост заменил прежнюю опасную переправу вброд и облегчил связь Ахты с промышленным центром Дагестана — Дербентом, приближая его в то же время к железной дороге, построенной в 1899 г. Наибольшие успехи в области плодоводства также были достигнуты в Ахты. Ахтынцы очень много поработали над выведением у себя культурных сортов фруктов и овощей, которые по своему качеству, размеру и вкусу получили известность во всем Дагестане.

Первая «русская» сельская школа (2-классное училище) в Дагестане открыта была в 1861 г. именно в Ахты. Духовенство было в большой оппозиции к этому культурному мероприятию. «Наших детей хотят сделать гяурами, хотят от нас отнять веру», — говорили они. В школе училось сначала всего 12 мальчиков, это были по преимуществу сыновья Кази, юзбаши и торговцев. К 1899 г. в этой же школе обучалось 54 мальчика, а в 1903 г. уже 120, в числе которых были и бедняки, и середняки. Хотя мусульманские школы при мечетях продолжали существовать, но ахтынцы осознали необходимость подлинного просвещения, сами стали подавать заявления с просьбой устранить вторую школу и активно помогали этому делу. В 1913 г. в Ахты была открыта вторая школа (одноклассная), в которой уже учились девочки. При 2-классном училище были устроены ремесленное отделение и опытный фруктовый сад.

²⁷ Исторические сведения о бывших вольных общинах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ // Материалы по истории Чечни и Дагестана. 1940. С. 334.

В ремесленном отделении преподавались слесарное, кузнечное, столярное и токарное ремесла.

В селении Ахты в 1908 г. зародился и лезгинский театр. Первые спектакли проводились в Ахтынской крепости с благотворительной целью. Женщин-артисток сначала не было, и женские роли исполняли мужчины. Первая пьеса, поставленная на лезгинском языке, носила название «Бурж-али», ее сочинил ахтынец Магомед Эюбов, который даже не умел писать. Не будучи записанной, со слов, на память эта вещь ставится в театре по сей день.

Селение Ахты, занимая господствующее положение в Самурской долине, постепенно становилось поселением городского типа.

Мы знаем, что города возникали в хорошо обороняемом пункте, жители которого на определенных условиях принимали на себя защиту пришельцев.

Мы знаем, что города образуются большей частью как места для обмена товаров, в удобных пунктах: на скрещивании дорог или при устьях судоходных рек; что они возникают на известной ступени общественного разделения труда, в частности, выделение ремесла из сельского хозяйства является одной из основных предпосылок к образованию города.

Мы знаем, что городами считаются более или менее многонаселенные пункты, в которых для значительного количества жителей сельское хозяйство не является основным источником существования.

Город характеризуется также наличием постоянного рынка в его пределах, который обеспечивал бы обмен продуктов сельского хозяйства, ремесленных и позднее промышленных изделий.

Возникнув на известной ступени разделения труда, город сам становится орудием дальнейшего развития этого разделения.

В поселение городского типа более резко проявляется рост социальных противоречий.

Город становится очагом зарождающейся культуры и является прогрессивным фактором общественной жизни.

Все эти признаки города в большей или меньшей степени свойственны были и Ахты. Недаром лезгины называли его в отличие от поселений сельского типа (хюр) шехер'ом, т.е. городом. Был период, когда лезгины действительно могли видеть в нем зарождающийся город.

*Подготовка текста к публикации и примечания
Е.Л. Капустиной*